

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

МОСКОВСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ИНСТИТУТ

(государственная академия)

Направление подготовки: **АРХИТЕКТУРА 07.06.01**

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД

об основных результатах подготовленной
научно-квалификационной работы (диссертации)

На тему: **«Концепция “усовершенствования архитектора” И.В. Жолтовского как
универсальный метод профессионального воспитания
(первая половина XX века)»**

Аспирант: **Семушкина Марина Олеговна**

Научный руководитель: доктор искусствоведения, профессор, академик РАХ,
Ревзина Юлия Евгеньевна

Научная специальность: **2.1.11 (05.23.20)** – Теория и история архитектуры,
реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия

Кафедра подготовки: «История архитектуры и градостроительства»

Москва, 2022/2023 уч.г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования: Интерес к творческому наследию выдающегося архитектора первой половины XX в. И.В. Жолтовского (1867-1959 гг.) никогда не угасал. В работах исследователей звучат порой противоположные оценки — от самых восторженных до резких критических суждений, отрицающих его вклад в архитектуру XX в., что характеризует тезис: «едва ли не вся российская архитектура почти полвека развивалась под влиянием этого мастера — либо в согласии, либо в полемике с его взглядами»¹. В то же время сложилась парадоксальная ситуация: педагогический метод Жолтовского, его оригинальная концепция «усовершенствования архитектора»², применявшаяся им с 1917³ года, никогда не были охарактеризованы как целостное явление, заметно повлиявшее на развитие отечественной архитектуры XX века. В определённой степени причиной этого стало представление Жолтовского об архитектурном образовании, исключающее строгие рамки и существование единственно верного взгляда на творческий метод. При этом наиболее эффективным дидактическим способом он считал максимальное расширение кругозора ученика и спектра его навыков, умения *«смотреть на природу, изучать её и понять в чём дело»*⁴. Другую сложность в изучении педагогического наследия Жолтовского составляет отсутствие опубликованной и целостно изложенной им самой концепции профессионального воспитания, отдельные аспекты которой дошли до нас в записях знаменитых «бесед» и консультаций, газетных и журнальных интервью, немногочисленных статьях и докладах самого архитектора. Попытки обобщить эти материалы, реконструировать на их основе архитектурно-дидактический метод Жолтовского оказались редки. На сегодняшний день не существует ни одного развёрнутого комплексного

¹ Астафьева-Другач М.И. И.В. Жолтовский — педагог (1867-1959). Рукопись. Музей МАРХИ

² Точное происхождение термина «усовершенствование архитектора» неизвестно, однако он использовался самим И.В. Жолтовским и архитекторами его мастерской в 1930х-1950х гг.

Записи консультаций И.В. Жолтовского в Мастерской-школе, [1950е]. Рукопись. Музей МАРХИ

³ Жолтовский занимался педагогической деятельностью и ранее, однако именно с 1917 года он начал последовательно применять на практике рассмотренные ниже дидактические принципы

⁴ Цит. по: А.В. Фирсова. Творческое наследие И. В. Жолтовского в отечественной архитектуре XX века : Дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04 : Москва, 2004.

исследования, всесторонне рассматривающего архитектурную школу И.В. Жолтовского, его универсальный метод “усовершенствования архитектора”, основа которого — достижение полной свободы через системное повышение общей и профессиональной культуры, знание и глубокое понимание истории архитектуры наравне с владением самыми современными тенденциями и технологиями, — остаётся актуальной для современного архитектурного образования.

Степень разработанности избранной темы: Интерес к творчеству И.В. Жолтовского, имевший на протяжении всего XX в. многоплановый характер, сформировал обширный пласт опубликованных и оставшихся в рукописи исследований. При отсутствии специального архитектуроведческого исследования о формировании и трансформации архитектурно-художественной концепции Жолтовского, постоянно находившегося в «большой аналитической работе»⁵, изучение его педагогической концепции невозможно без глубокого погружения в материалы, затрагивающие вопросы проблем формообразования, метода работы и творческой биографии архитектора.

Первые заметки Г.К. Лукомского, П.П. Муратова, И.Э. Грабаря, А.Н. Бенуа и других авторов о ранних проектах Жолтовского появились в дореволюционной художественной периодике конца 1900-х гг, где он получил характеристику знатока истории архитектуры и убеждённого адепта итальянского Ренессанса. В постреволюционный период на фоне радикальных изменений в архитектурной жизни страны публикации о Жолтовском, как правило, носили критический характер, а его деятельность расценивалась как попытка возвращения в прошлое и препятствие к развитию новой архитектуры.

Собственные взгляды на проблемы архитектурного формообразования и роль освоения исторического наследия в образовании и творчестве архитектора были впервые изложены Жолтовским в ходе заседаний архитектурной подкомиссии ГАХН и в кратком изложении вошли в бюллетени Академии (1921-1927 гг.). К середине 1930-х гг. относятся его первые развёрнутые публикации о фундаментальных основах

⁵ Н.В. Пограницкая (Фёдорова). «М.О. Барщ. Жизнь и творчество», 1990. Машинопись. Музей МАРХИ

архитектуры: «Принцип зодчества» (1933 г.), «Архитектура нашей эпохи» (1935 г.), «Воспитание мастера архитектуры» (1937 г.) и другие. Нарботки Жолтовского, посвященные пропорциям, были включены в книгу Н.И. Брунова «Пропорции античной и средневековой архитектуры» 1936 г.⁶ Первой попыткой всестороннего изложения творческой концепции Жолтовского стало эссе А.Г. Габричевского «И.В. Жолтовский как теоретик (опыт характеристики)» 1940 г.⁷, тем же годом датируется его статья-беседа с Жолтовским «Классика и эклектика»⁸. Кроме того, в 1940-1950-х гг. в периодике выходит несколько крупных обзорных и специальных статей Д.Е. Аркина, Н.П. Былинкина, А.В. Власова, А.М. Зальцмана. В послевоенный период Жолтовский опубликовал серию программных текстов, в которых развил высказанные ранее мысли об архитектурном творчестве. Несмотря на возникший уже с конца 1930х общественный запрос, первая и единственная прижизненная монография-альбом «И.В. Жолтовский. Проекты и постройки» со вступительным текстом Г.Д. Ощепкова вышла только в 1955 г.

В период с конца 1960-х до начала 2000-х гг. множество новых сведений об архитектурной, педагогической и административной работе Жолтовского было опубликовано в трудах В.Э. Хазановой, С.О. Хан-Магомедова, И.С. Казуся, А.В. Фирсовой и др.; теоретические аспекты рассматривались в текстах В.Ф. Маркузона и А.В. Иконникова. После более чем пятидесятилетнего перерыва первую обобщающую монографию о Жолтовском опубликовал в 2010 г. С.О. Хан-Магомедов. Новая волна интереса исследователей к Жолтовскому началась в год 150-летия архитектора (2017), когда появился целый корпус публикаций, в том числе монографии А.В. Фирсовой и Д.С. Хмельницкого (2017), М.В. Нащокиной (2017), И.Е. Печёнкина и О.С. Шурыгиной (2017, 2021, 2023).

Несмотря на значительную степень изученности биографии и архитектурного творчества И.В. Жолтовского, опубликованные сведения о его просветительской

⁶ Брунов Н.И. Пропорции античной и средневековой архитектуры. – Москва: Издательство Всесоюзной Академии архитектуры, 1936.

⁷ А.Г. Габричевский. И.В. Жолтовский как теоретик (опыт характеристики), 1940. Машинопись. Музей МАРХИ

⁸ В начале 1940-х гг. А.Г. Габричевский задумывал монографию о Жолтовском, однако этот замысел не был реализован по политическим причинам

деятельности остаются фрагментарными. Первые анонимные заметки об этом аспекте относятся к 1914-1919 гг. Начало аналитического изучения педагогического наследия Жолтовского относится к рубежу 1980-1990-х гг., когда был опубликован ряд статей об истории Института аспирантуры ВАА (А.И. Опочинская, Н.В. Пограницкая (Фёдорова), С.В. Клименко). Некоторые рассуждения о воспитании Жолтовским архитектора содержатся в книге М.Г. Бархина «Метод работы зодчего» (1981). К началу 1990-х гг. относится первая и единственная попытка комплексного изучения и обобщения педагогической деятельности Жолтовского – серия текстов Н.В. Пограницкой (Фёдоровой), посвящённых его работе по организации Всесоюзной академии архитектуры и творческому руководству Московским архитектурным институтом. На основе этих публикаций была задумана монография, оставшаяся в рукописи неоконченной. В 2004 г. Ш.А. Айрапетов впервые издал записи бесед-консультаций Жолтовского. Сведения о работе Жолтовского в высшей архитектурной школе представлены в серийных монографиях С.О. Хан-Магомедова (2008-2012 гг.)⁹. Новейшие фактологические публикации последнего десятилетия по этой теме принадлежат Л.И. Ивановой-Везн и Т.В. Лысовой. В обзорной монографии И.Е. Печенкина и О.С. Шурыгиной «Архитектурное наследие России. Иван Жолтовский. Мастер и его школа» предпринята попытка осмысления самого феномена школы Жолтовского. Тем не менее, перечисленные публикации, избирательно и фрагментарно освещают просветительскую работу И.В. Жолтовского. Таким образом, изучение его педагогического метода и составление фундаментального исследования на сегодняшний день представляет актуальную проблему.

Рабочая гипотеза: реконструируемая универсальная методика обучения и повышения профессионального уровня архитектора представляет собой отражение системы методологических взглядов И.В. Жолтовского на профессиональную культуру. Дидактическая концепция Жолтовского является ценным культурным

⁹ Наиболее подробные сведения содержатся в монографиях С.О. Хан-Магомедова из серий «Творцы авангарда» («Виктор Балихин», «Михаил Барщ», «Андрей Буров», «Владимир Кринский») и «Кумиры авангарда» («Николай Ладовский», «Иван Леонидов») 2008-2012 гг.

наследием, и может быть с успехом адаптирована к современным тенденциям архитектурного образования.

Цель исследования состоит в представлении целостной картины педагогической концепции И.В. Жолтовского. Поставленная цель определила

задачи исследования:

1. реконструкция и анализ хронологии проектной, научной и педагогической деятельности И.В. Жолтовского;
2. определение ключевых принципов концепции формообразования И.В. Жолтовского;
3. представление теоретических взглядов И.В. Жолтовского на профессиональную культуру архитектора;
4. анализ предпосылок к формированию концепции «усовершенствования архитектора»;
5. реконструкция теоретической основы педагогической методики И.В. Жолтовского и выявление практических приёмов профессионального воспитания;
6. анализ результатов применения педагогической концепции И.В. Жолтовского в высшей школе и архитектурной практике и её влияния на развитие советской архитектуры и архитектурного образования XX века.

Объект исследования: архивные документальные и графические материалы, литературные источники (публикации в современной И.В. Жолтовскому периодике, дневниковые записи и переписка Жолтовского и его коллег, дневниковые записи), раскрывающие теоретические принципы и практические особенности архитектурной и педагогической деятельности И.В. Жолтовского первой половины XX в.

Предмет исследования: особенности педагогической концепции И.В. Жолтовского, закономерности и результаты её применения, характер и масштаб её влияния на развитие советской архитектуры.

Границы исследования: временные рамки исследования охватывают период с начала 1900-х по середину 1960-х гг. и определяются началом архитектурной и педагогической практики И.В. Жолтовского и формированием самостоятельной профессиональной деятельности его учеников и архитекторов Мастерской-Школы.

Методы исследования включают в себя выявление, сбор, систематизацию и анализ как ранее опубликованных, так и новых материалов. В ходе работы исследованы фонды государственных архивов: РГИА, РГАЛИ, РГАЭ, ГАРФ, ЦГАЛИ, НБА РАХ, РГАФД, РГАКФД; музеев: ГНИМА им. А.В. Щусева, Музей МАРХИ, ГЦМСИР, НИМ РАХ; библиотек: РГБ, РГБИ, ЦНТБСиА, РНБ; архивы организаций, здания которых проектировал И.В. Жолтовский: ЦМИ, ВНИИК, ВНИИЭСХ; частные коллекции.

Научная новизна:

1. сформулированы основные принципы и представлена интерпретация концепции архитектурного формообразования И.В. Жолтовского;
2. выявлена целостная картина взглядов И.В. Жолтовского на профессиональную культуру архитектора и архитектурное образование;
3. представлена наиболее полная историческая картина педагогической деятельности Жолтовского;
4. впервые предпринята попытка реконструкция концепции «усовершенствования архитектора», сформулированы её основные методологические и дидактические принципы;
5. выявлена роль школы Жолтовского в развитии отечественной архитектуры XX века;
6. введён в научный оборот значительный корпус архивных документов и графических материалов из музейных и архивных фондов музеев и архивов и частных коллекций.

Теоретическая и практическая значимость: исследование дополняет историческую картину развития русской и советской архитектурной мысли и архитектурного образования XX в. Результаты и материалы исследования могут быть представлены в соответствующих разделах научных работ и лекционных курсов по истории архитектуры XX в. и архитектурного образования, и использованы при разработке учебных программ высших архитектурных учебных заведений на всех ступенях подготовки специалистов. Исследованные методологические приёмы И.В.

Жолтовского могут использоваться в современной педагогической практике архитекторов различных направлений.

Апробация работы: основные положения диссертации опубликованы в 17 научных статьях в периодических изданиях, научных сборниках и коллективной монографии, в том числе, 2 статьи – в изданиях, входящих в перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ, 1 статья – в коллективной монографии, 12 статей – в сборниках тезисов конференции и трудов МАРХИ, 2 статьи – в сборниках тезисов других конференций. Отдельные результаты исследования представлены в докладах на научных конференциях в Московском архитектурном институте «Наука, образование и экспериментальное проектирование» (2015, 2016, 2018, 2020, 2022, 2023); научных конференциях «Академик И.В. Жолтовский в истории отечественной архитектурной школы» (2017), «Вопросы всеобщей истории архитектуры» (НИИТИАГ, 2018), «Свободные Государственные художественные мастерские. Из столицы – в регионы (1918–1920 гг.)» (2018) и на Международной конференции им. В. Татлина (Пенза, 2021).

Объём и структура исследования: диссертация состоит из одного тома, содержащего введение, четыре главы, заключение и выводы исследования, список терминов и сокращений, библиографию и библиографические ссылки на архивные материалы, документальные приложения и иллюстрации к тексту.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрываются актуальность темы, степень разработанности проблемы, методы исследования, определяются цель и задачи исследования, научная новизна и теоретическая значимость результатов проведенного исследования.

В главе I «**Новый Ренессанс И.В. Жолтовского. Метод “логической тектоники”**» рассматривается концепция формообразования Жолтовского, основанная на представлении классической архитектуры, в первую очередь, как вневременной универсальной системы проектирования. На основе анализа произведений 1900-1940 гг. выявлена хронология и этапы формирования его концепции, показана общая картина творческих поисков архитектора в рамках

неоклассики и охарактеризован его метод изучения классического архитектурного наследия. Раскрывается роль Жолтовского в развитии неоренессансного направления в русской и советской архитектуре первой половины XX века.

После одиннадцатилетнего периода обучения в Императорской Академии художеств (1887-1898) и ранней практической деятельности, Жолтовский предпринял более 30 экспедиций в Италию и другие страны (1899-1926 гг.) с целью изучения классической и народной архитектуры, в результате чего был заложен мощный фундамент его взглядов. Вследствие этого, когда в конце XIX в. шюрализм архитектурных направлений в русской архитектуре достиг пика, он стал одним из лидеров неоренессансной ветви архитекторов, искавших новую классическую парадигму.

Иллюстрацией к концептуальному выбору Жолтовского стала его первая самостоятельная постройка – Дом Императорского Скакового общества в Москве (1903 г.): от заданной конкурсом стилистики английской готики он совершил резкий поворот в сторону классической архитектуры. Многочисленные отдельные оммажи итальянскому Возрождению в архитектуре Дома характеризуют ранний этап формирования неоренессансной линии в творчестве архитектора – *освоение алфавита языка архитектурной классики*. На следующем этапе *освоения закономерностей художественно-тектонической системы архитектуры Ренессанса* Жолтовский осознанно обратился к палладианским виллам, которые вызвали его интерес как с точки зрения жизнеустройства, так и в качестве архитектурного прототипа. Композиционные приёмы вилл он изучил и применил в работе над рядом проектов жилых зданий (1908-1912 гг.): усадьбы Липки-Алексеевское, Лубенкино, Тарбеево, Бережки и др., а также комплексе зданий для мануфактуры Коноваловых в Вичуге.

В контексте набирающей в России конца XIX в. силу немецкой формальной школы искусствоведения и её научного понимания искусства, основанного на логике и тектонике, у Жолтовского возник углубленный интерес к развитию теории золотого сечения. Это выразилось в выведении производной 528:472 – *«функции Жолтовского»*. Он оперировал математическим правилом как инструментом

проверки собственной интуиции в построении архитектурного организма или “гармонизации” прототипа. Образцом такого подхода стал московский особняк Тарасовых (1909-1912 гг.)¹⁰, где Жолтовский, сохранив масштаб, применил свои размышления об изменении восприятия архитектуры от развивающейся и динамичной к зрелой¹¹ вместе с изменением вертикальных пропорций здания. В работе над проектом дома сформировалась ещё одна из составляющих метода Жолтовского – необходимость *творческого импульса*, однако в дальнейшем он, как правило, радикально трансформировал первоисточник.

В проекте Коммерческого института в Москве (1910 г.) Жолтовский впервые осуществил попытку создания самостоятельного произведения, *развивающего архитектурные идеи Ренессанса*. В результате детального анализа проекта можно выявить ряд палладианских прототипов, однако здание Института стало первой работой, в которой Жолтовский проявил себя как свободный в формообразовании архитектор. Используя свои ранние проекты как своеобразные рабочие макеты ренессансных построек в масштабе 1:1, он приобрёл навыки переосмысления архитектурной формы и смог передать само ощущение архитектуры Возрождения. *Развитие принципов классической архитектуры* в переосмысленном виде получило продолжение в творчестве И.В. Жолтовского в 1920-1950х в виде приёмов, которые можно условно разделить на типологические группы:

Прототип: Опыт осмысления прототипа, полученный при проектировании усадьбы Липки-Алексеевское, дома Тарасовых и здания Коммерческого института, в дальнейшем лег в основу концепции формообразования Жолтовского. В этой связи можно выделить два основных источника. *Палладианская схема виллы*: симметричный план, центральный парадный объём (нередко с портиком) и боковые служебные корпуса, соединённые с основным зданием переходами или проходными крыльями (Дом Уполномоченного ВЦИК и Морской вокзал в Сочи, Ванное здание в Мацесте, Литературный институт, Дом Советов в Нальчике, Здание ВЦСПС и

¹⁰ Прототипом послужило палаццо Тьене в Виченце (А. Палладио, 1550-1551)

¹¹ Жолтовский проводил аналогию с этапами жизни растения: “...взлёт юного побега, великолепное равновесие цветения, усталость, увядание, тяжесть созревшего плода”. Цит. по: *И.А. Айрапетов. О принципах архитектурной композиции И.В. Жолтовского.* – Москва: URSS, 2004.

Третьяковская галерея на Крымской набережной, школа в Гудауте и др.).
Ренессансное палаццо: если в палладианской вилле главной характеристикой был план и общая пространственная композиция здания, то палаццо Жолтовский изучал с точки зрения композиции фасада, возможностей соединения ренессансной схемы внешней формы с новой структурой здания (Госбанк СССР, дом на Моховой, жилые дома на Смоленской, Калужской, Ленинском проспекте, проспекте Мира);

Античная римская стена: Жолтовский трактовал античную греческую архитектуру как пример закономерного, художественно осмысленного применения ордера, римскую – как архитектуру, в которой тектонически доминирующим элементом является стена. В понимании Жолтовского плоскость стены, проработанная рустом или фреской, является не базовым пространством, которое необходимо украшать, а самостоятельным элементом, организующим всю композицию здания (ДнепроГЭС, холодильник в Сокольниках, крупнопанельные типовые жилые дома);

Тектоника и архитектурный ордер: В 1920х Жолтовский создал серию конструктивистских проектов, в которых ордер был радикально переосмыслен. В котельной МОГЭС-1 (1927) ордерный фасад палладианских палаццо был гиперболизирован и превратился в ряд стеклянных эркеров, составляющих фасад здания, скульптуры на карнизе — в трубы котельной. Манифестом неоренессанса Жолтовского стал дом Моссовета на Моховой улице в Москве (1934), в котором роль ордера была переосмыслена на уровне его тектоники. Но если в Лоджии дель Капитаниато ведущей темой является прорезанная аркадой стена с приставленным к ней ордером, то Жолтовский старается пластически ясно продемонстрировать заключённую в нём тектонику: в отличие от палладианских фасадов, в доме на Моховой фасад между колоннами намеренно сделан стеклянным, бесплотным, за исключением балконов, создающих междуэтажную тягу;

«Функция Жолтовского»: В поисках более тонких, чем Золотое сечение, отношений, Жолтовский пришел к его производной $528:472 \approx 1,118$. «Функциональный квадрат» применялся им как в основной композиции здания, так и

в деталях (московские дома на Смоленской, Калужской и проспекте Мира, Большой Каменный мост в Москве, Ривьерский мост в Сочи и др.);

Деталь: Во время зарубежных экспедиций Жолтовский изучил сотни античных, ренессансных и барочных элементов, которые впоследствии применял в проектах. Прекрасное знание архитектуры Возрождения позволяло ему не копируя, а создавая детали с нуля, в мельчайших подробностях передавать дух этой эпохи.

Эти неоренессансные принципы были аккумулированы им при создании «конструктора крупнопанельного строительства» — системы, которая позволяла бы «свободно лепить объемы здания»¹² в условиях типового производства, фактически вне рамок какого-либо стиля, в соответствии с логикой Жолтовского о господстве логической системы над стилем. Преимущество системы заключалось в универсальности нового архитектурного языка. В совокупности, выработанные Жолтовским приёмы в интерпретации наследия Ренессанса стали *прорывом в формообразовании*, достижением, которое по данному А.Г. Габричевским определению, можно охарактеризовать как «метод логической тектоники».

Глава II «**Отражение теории И.В. Жолтовского в высшей архитектурной школе. 1904-1959 гг.**» посвящена анализу работы Жолтовского в архитектурных учебных заведениях. На основе документальных и графических материалов выявлены предпосылки начала его педагогической деятельности и её хронология, определены ключевые принципы и новизна методики, проанализированы результаты внедрения учебных программ и курсов, разработанных Жолтовским и его единомышленниками.

Первым этапом архитектурного просвещения и образования¹³ под руководством И.В. Жолтовского стала деятельность в УЖВЗ – П-СГХМ – ВХУТЕМАСе (1917-1923). Вначале студенты сами содействовали приглашению Жолтовского в высшую школу, воспринимая его «наиболее выдающимся и старшим

¹² Жолтовский И.В. О некоторых принципах крупнопанельного домостроения. // Архитектура СССР. – 1953. – №7. – С. 4-6.

¹³ Начало педагогической работы И.В. Жолтовского пришлось на 1900е годы, однако было связано исключительно с изобразительными дисциплинами

<из ярких представителей> нового направления в русской архитектуре»¹⁴. Неоренессансная направленность, основанная на аналитическом методе формообразования, воспринималась молодыми архитекторами как новаторская актуальная концепция “живой классики”, противоядие от устаревшего академизма и «полной упадочности и эклектизма форм». Привлекательным казался и педагогический метод Жолтовского, дающий свободу в глобальном понимании архитектуры, в отличие от консервативного проектирования «в стилях». Жолтовский не выдавал конкретных заданий и не учил проектированию как таковому, не представлял свои эстетические пристрастия как единственную истину. Вместо этого он проводил теоретические беседы об искусстве¹⁵, разбирал со студентами «художественные закономерности» выдающихся произведений архитектуры – и прививал ученикам восприятие *архитектуры как синтеза искусства и логики*. Для многих молодых архитекторов он стал агентом между классической архитектурой и современностью, переводчиком архитектурного языка Ренессанса. В конце 1919/1920-го учебного года некоторые ученики ВХУТЕМАСа под влиянием левых художественных течений и Синскульптарха стали выражать недовольство академической программой и постепенно переходили на сторону авангарда – однако несмотря на разрыв с Жолтовским¹⁶, впоследствии многие вспоминали именно его уроки как определяющий этап в освоении профессии.

К концу 1910х годов собственном мировоззрении Жолтовского происходили те же метаморфозы, что и в искусстве постреволюционной России в целом: переосмысление теоретического значения архитектурного наследия и формирование концепций формообразования находились в стадии кристаллизации. В этом смысле чрезвычайно интересной представляется серия докладов (1919-1927) «о проблемах и различии греческого и римского искусства, о принципах архитектурного творчества, о духе барокко, о творчестве Палладио и Брунеллески» в ГАХН, где он был

¹⁴ Здесь и далее цит. по: С.О. Хан-Магомедов. Николай Ладовский. – Москва: С.Э.Гордеев, 2011.

¹⁵ Занятия-беседы посещали будущие рационалисты Виктор Балихин и Николай Ладовский, конструктивист Николай Колли и другие

¹⁶ С отъездом Жолтовского в 1923 году в Италию его педагогическая работа прервалась

председателем Архитектурной группы¹⁷¹⁸. Прежде чем выйти на качественно новый уровень преподавания в высшей архитектурной школе, Жолтовский прошёл этап утверждения и шлифовки своих взглядов в теоретической работе и полемике с коллегами – и работа в ГАХН стала опорной точкой его эволюции как теоретика.

В силу назревших к началу 1930х проблем формообразования и идеологических причин в советской архитектуре возникла идея создания Всесоюзной академии архитектуры (ВАА) и Института аспирантуры в её структуре – «надвысшего»¹⁹ учебного заведения для архитекторов, деятельность которого была направлена, в первую очередь, на *повышение уровня общей и художественной культуры* архитектора. Ключевая роль в создании этой академии ренессансного типа принадлежала Жолтовскому, однако формально он участвовал лишь в разработке программ и работе приёмной комиссии в первые её существования. Разработанная соратниками Жолтовского при его консультации учебная программа распределяла объём преподавания дисциплин по значимости (архитектурное проектирование → «техники художественного выполнения» → история искусств и архитектуры, строительное дело, философия и др.). Особое значение Жолтовский придавал *проблеме значения личности педагога* и его профессионального уровня в учебном процессе. Из текста его отзыва на учебные программы аспирантов ВАА²⁰ можно выделить несколько принципиальных положений:

- качество учебной программы напрямую зависит от проводящих её педагогов;
- количество проведённых на занятиях часов не эквивалентно объёму знаний;
- квалификация педагогов-архитекторов часто оказывается недостаточной ⇒
- концепция обучения у одного мастера²¹ на протяжении всего курса несостоятельна;

¹⁷ Цит. по: Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов // Под редакцией Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской при участии Ю.Н. Якименко. Том I. Исследования. Москва: Новое литературное обозрение, 2017.

¹⁸ Кроме того, с подачи Жолтовского в Академии было решено начать «изучение принципов архитектуры» и организовать комиссию по изучению архитектуры

¹⁹ По определению С.О. Хан-Магомедова

²⁰ Письмо Жолтовского И.В. [Крюкову] М.В., 1937. РГАЛИ. Ф. 2423. Оп. 1. Ед. хр. 8.

²¹ По этому параметру Жолтовский негативно высказывался об АСИ

- наиболее эффективным методом обучения является «коллективное преподавание», когда аспиранты сами выбирают педагогов и переходят в другие мастерские по мере прохождения этапов программы;

- смена педагогов раскрывает «индивидуальную творческую свободу учащихся».

Института аспирантуры оказал значительное влияние на развитие советской архитектуры середины XX века: более 160 человек, прошедшие через него, стали ведущими советскими архитекторами и транслировали полученные в аспирантуре знания следующим поколениям. Самому Жолтовскому опыт организации учебного процесса и отстранённого наблюдения за его жизненным циклом в Институте аспирантуры позволили в будущем разработать исключительно эффективный учебный план Московского архитектурного института.

В Московском архитектурном институте (МАИ) перед Жолтовским открывалась возможность реформации архитектурного образования с самых начальных этапов. Несмотря на то, что формально институт работал по плану Жолтовского только с 1942/43 по 1947/48 год, обновление программ и заданий началось с 1936 года, когда он стал научным руководителем дисциплины «Архитектурная композиция». Должность художественного руководителя²² МАИ стала документальным выражением позиции, которую он занимал ещё в Институте аспирантуры ВВА. Шестилетний учебный план, разработанный И.В. Жолтовским при деятельном участии А.Г. Габричевского, Ю.Н. Емельянова и ряда профессоров МАИ был разделён на *три параллельно идущих цикла для создания «синтетического профиля будущего зодчего»*²³: архитектурное проектирование, строительнотехнические и общеобразовательные дисциплины. Главной задачей общеобразовательного и технического курсов стало создание фундамента для архитектурного проектирования. Это предполагалось достичь следующими действиями:

- переход от «пассивного усвоения огромного количества фактических сведений», не имеющих отношения к «непосредственным и живым задачам

²² В некоторых документах МАИ должность называлась «творческий руководитель»

²³ Здесь и далее: Учебный план Московского архитектурного института и система подготовки мастера архитектуры. Доклад [А.Г. Габричевского], [1945]. Рукопись. Частная коллекция

архитектурной теории и практики» к активному пониманию и усвоению творческих методов;

- самостоятельная научная работа ⇒ расширение кругозора, приобретение новых знаний и навыков;
- создание «школы теории архитектурной композиции»: дополнение исторических знаний «практическими занятиями по истории архитектуры», т.е. аналитической работой по изучению композиционных приёмов на примере памятников архитектуры.

Все дисциплины были подчинены курсу архитектурного проектирования, который состоял из широкого круга постепенно усложняющихся задач и начинавшегося с двухгодичной пропедевтической ступени, которой Жолтовский уделял особое внимание. В докладах и обсуждениях учебных программ (1944-1946) Жолтовский высказал ряд тезисов, чрезвычайно важных для представления его интерпретации классической архитектуры, её значения для архитектурно-художественного образования, важности развития культуры для профессионального воспитания:

- Классическое художественное мышление подразумевает под собой:
 - «особенное качество художественного образа», его «реалистическое и гуманистическое понимание» и приводящий к его достижению «метод творческого мышления»²⁴,
 - «выражение природных закономерностей, <...> применительно к архитектуре – тектоника и гармония, <...> включая сюда и окружающий ландшафт, и свойства материала, и конструктивное решение, и назначение постройки»;
- «Подлинная живая классика» есть *создание новой архитектуры на основе классических принципов*, но не «воспроизведение внешних форм», реставрация стиля, «ордерная или древнерусская архитектура»;
- Философское и практическое проблемное поле архитектуры – связь науки и искусства, гуманистическое начало, отношение к природе, тектоника как выражение

²⁴ Здесь и далее: Доклад академика архитектуры И.В. Жолтовского в Московском архитектурном институте "Творческое воспитание архитектора и вопросы архитектурной школы". ГЦМСИР

конструкции и материала – было фундаментально осмыслено в классической архитектуре, в особенности, в античности. Более поздние эпохи вне зависимости от «стилистических форм» использовали античную базу для интерпретации, полемики или прямого заимствования решений ⇒

- Принципы классической архитектуры и её «круг проблем должны быть положены в основу <...> архитектурного образования» ⇒
- Пропедевтика является важнейшей ступенью воспитания архитектора, на которой происходит создание базы теоретических и практических знаний, необходимых для начала полноценного проектирования;
- Гуманитарные, художественные и технические дисциплины являются неотъемлемой частью архитектурного образования, должны быть неразрывно связаны с задачами учебного проектирования и представлять собой не разобщённые предметы, а *синтетические курсы с постепенно усложняющимися задачами* для наиболее глубокого понимания взаимосвязи между теоретическими проблемами, историческими процессами, естественными науками, развитием техники, практическими навыками и общей культурой архитектора.

Несмотря на короткий период формальной работы МАИ²⁵ по программе Жолтовского, работы обучавшихся с 1943/44 по 1947/48 учебный год архитекторов ясно иллюстрируют лежащие в основе программы принципы. Помимо высокого художественного качества и тщательного выполнения работ по всем дисциплинам, необходимо отметить необыкновенную вовлечённость студентов в учебный процесс, энтузиазм и ответственность в отношении усвоения преподносимых им знаний и самостоятельной научной работы. Благодаря продуманной системе образования происходил творческий подъём, непрерывный диалог и *формирование профессиональной творческой среды*, из которой вырос целый пласт архитекторов, обладавших высокой профессиональной культурой и ставших основой нескольких концептуальных эпох советской архитектуры.

²⁵ Программа была признана опытной и свёрнута в рамках борьбы с космополитизмом, однако её элементы были включены в следующий учебный план МАИ и сохранились до середины 1950-х гг.

Глава III «Ренессансные академии И.В. Жолтовского: метод «усовершенствования архитектора». 1918-1959 гг.» является логическим продолжением главы II и представляет интерпретации педагогических принципов Жолтовского в контексте его работы с квалифицированными архитекторами в проектных мастерских и организациях.

Мастерские под руководством Жолтовского, через которые прошли более сотни архитекторов, были пространством непрерывного свободного познания. Первой такой организацией стали *Первые государственные архитектурные мастерские Моссовета*, основанные в 1918 году²⁶ с целью построения взаимодействия архитекторов и художников разных творческих линий. Во главе стояли «старший зодчий» И.В. Жолтовский, который занимался общим художественным руководством, и «старший мастер» А.В. Щусев, осуществлявший практическое управление; среди мастеров и подмастерьев были практически все первые лица русского архитектурного авангарда. Несмотря на свободу работы в стилях, во многих работах Мастерской прослеживается влияние неоренессансных взглядов Жолтовского, идея применения классических композиционных приёмов в связке с разнообразными стилевыми чертами. Кроме того, в работе архитекторов Мастерской над ВСХВ (1923) была воплощена в реальность и идея Жолтовского о необходимости включения молодого архитектора в строительный процесс.

«Второй созыв» мастерских произошел на рубеже 1926-1927 годов по возвращении Жолтовского из трёхлетнего путешествия по Италии в совершенно новый контекст советского искусства. В «*квадригу Жолтовского*»²⁷ вошли молодые конструктивисты Георгий Гольц, Сергей Кожин, Михаил Парусников и Иван Соболев²⁸; в то время, как рационалистов они видели своими соперниками в новой архитектуре, Жолтовский воспринимался ими как чрезвычайно знающий и тонко чувствующий контекст архитектор, находящийся «над схваткой». В работе с «квадригой» Жолтовский избрал либеральный вариант шефства. Наряду с

²⁶ По данным С.О. Хан-Магомедова. Достоверных свидетельств об участии Жолтовского в деятельности Мастерских после 1923 г. не сохранилось.

²⁷ Общеупотребительный термин конца 1920-х гг., точное его происхождение неизвестно

²⁸ К группе примыкали А.К. Буров и В.Д. Кокорин

проведением общих бесед по архитектуре, инспирированных итальянской экспедицией, он давал архитекторам свободу действий и подчеркивал, что главным остаётся грамотное использование архитектурного языка и гармоничные композиционные решения, призывал их показать качественными современными проектами пример другим конструктивистам. Как и общее концептуальное развитие советской архитектуры, практика объединения развивалась в двух направлениях; проекты в разных соотношениях несли в себе черты обоих «суперстилей»²⁹.

В 1933 году Жолтовский стал руководителем *Мастерской №1* Моссовета, в состав которой вошли представители всех архитектурных группировок. Сомневаясь в самой возможности объединения архитекторов столь разных взглядов, он избрал себе роль художественного руководителя. Объединяющей базой стали не формально-стилистические нюансы, а концептуальные представления Жолтовского об архитектуре, теория композиции. Те архитекторы, кто намеренно дистанцировался от его метода проектирования в силу убеждений, перенимали общие идеи формообразования, отношение к работе с деталью, аксиому о том, что каждый элемент должен быть логически и практически оправдан. Мастерская №1 стала своеобразной античной школой: архитекторы проводили в выделенном мастерской особняке практически всё своё время, совмещая проектирование с самостоятельной работой в библиотеке, беседами об архитектуре, обучением ремеслу, спортом. Помимо собственной проектной группы, с начала 1930х Жолтовский консультировал архитекторов ведомственных проектных организаций, из других городов и союзных республик. Участники дискуссий 1933-1934 годов уже выделяли неоренессансное движение, возглавляемое Жолтовским, как наиболее оформленное и многочисленное.

Общепризнанной высшей точкой развития педагогической концепции «усовершенствования архитектора» стала организованная в 1945 году *Мастерская-Школа академика архитектуры И.В. Жолтовского*. Опробованный в Мастерской №1 подход к руководству позволил ему создать для советских архитекторов академию в ренессансном смысле слова. Особняк, в котором располагалась Мастерская, обладал уникальной, почти музейной обстановкой, в мастерскую приходили гости,

²⁹ По определению С.О. Хан-Магомедова

практиканты и студенты. Была устроена техническая библиотека, включавшая редкие издания, периодику, тематические подборки фотографий. Архитекторы вели рабочие тетради с анализом работы и имели персональные библиотечки. Метод работы строился следующим образом: с началом нового проекта Жолтовский просил всех сделать наброски, параллельно эскизируя сам, позже просматривал все варианты и выбирал самые перспективные, которые брала в разработку. В 1950-х гг. Жолтовский устроил архитекторам несколько путешествий в Италию и по Восточной Европе^{30,31}. Важнейшим инструментом совершенствования профессиональной культуры, как и прежде, были беседы об искусстве, однако именно в Мастерской-Школе были предприняты попытки их систематической фиксации. В беседах затрагивались общие вопросы теории искусства и архитектуры, проблемы композиции, восприятие природы, философия, практика, обсуждались памятники архитектуры, проводились исторические чтения. В методике руководства Мастерской-Школой Жолтовский не вводил концептуально новых приёмов, развивая более ранние наработки – и тем не менее, всё это создавало благодатную почву для возникновения своеобразной «афинской школы», атмосферы свободного обмена знаниями, идеями и замыслами.

В главе IV «Школа И.В. Жолтовского. Alumni» прослеживаются общие линии профессионального развития и индивидуальный творческий путь архитекторов, в той или иной форме прошедших школу Жолтовского³². Приводится анализ влияния его педагогической методики и концептуальных представлений об архитектуре на развитие советской архитектуры второй половины XX века.

Влияние Жолтовского как теоретика архитектуры ещё с конца 1890-х гг. отмечали его коллеги и молодые последователи. Одним из ранних свидетельств стали воспоминания А.В. Щусева об архитектурных прогулках-беседах учеников Академии художеств, где более старший Жолтовский уже воспринимался как знаток. Объединение учеников Леонтия Бенуа “Duodecim” под предводительством Андрея

³⁰ РГАЛИ. Ф.2423. Оп.1. Ед.хр. 58. Л.4.

³¹ Альбом с фотографиями архитекторов Мастерской-Школы И.В. Жолтовского, 1950е. Музей МАРХИ

³² Наиболее подробно рассматриваются архитекторы, на творчество которых влияние Жолтовского оказало наиболее сильное и/или трансформирующее влияние

Белобородова ставило задачей возрождение классической архитектуры как живой системы и считало амбассадором этой идеи именно Жолтовского³³.

Рассматривая творческие пути архитекторов школы Жолтовского, интересно проследить не только индивидуальные профессиональные судьбы, но, большей степени, и восприятие транслируемых идей и метода целыми поколенческими группами. В зависимости от времени, от социального и художественного контекста, в котором происходило становление архитектора, он мог воспринять концепции Жолтовского как архаичное учение или базу для обоснованной полемики с классикой (1917-1923), как фундамент для новых синтетических методов формообразования (1927-1930-е гг.), как гид по всестороннему изучению классической архитектуры (1936-1940-е гг.) и, к сожалению, как догмат в вопросах формообразования и эстетики (1940-1950-е гг.). Вместе с тем, все они признавали возможность получить новые обширные знания об архитектуре и тем или иным образом повысить свой уровень профессиональной культуры, а отношение к философии и творчеству Жолтовского всегда оставалось заинтересованным. Тем не менее, практически никто из них, в отличие от коллег-теоретиков³⁴, не пытался дать прижизненную объективную критическую оценку его деятельности.

Многие из коллег и учеников первого “созыва” (1917-1923 гг.) позже находились в полемике с его идеями и даже вставали в радикальную оппозицию, однако сравнивая высказывания обеих стороны, можно увидеть значительное количество точек соприкосновения. В частности, рационалисты Н.А. Ладовский и В.С. Балихин в своих теоретических работах признавали необходимость изучения принципов классики сообразно принципу “учиться, но не брать”³⁵ и не отрицали значение художественного импульса в вопросах формообразования. Стоящий несколько отдельно от “авангардной” группы Георгий Вегман в поисках новых методов формообразования в начале 1930-х гг. принципиально держался равноудаленно от классики и конструктивизма. Позже, ощутив необходимость

³³ В группу входили Лев Руднев, Владимир Гельфрейх, Владимир Дубенецкий – все они позже экспериментировали с модернизацией классики

³⁴ Теоретики Н.И. Брунов, А.Г. Габричевский и другие отдавали должное его идеям в своих публикациях и представляли его как влиятельного теоретика и философа архитектуры

³⁵ По определению В.С. Балихина

глубокого изучения классической архитектуры³⁶, он обратился к Жолтовскому и стал его “ярким последователем”³⁷. Как бывший конструктивист он смотрел на классику с концептуальной точки зрения и применял её принципы, не впадая в формализм – поэтому именно проекты Вегмана наиболее чисто и ясно иллюстрируют цель, которую Жолтовский ставил перед собой в архитектурном образовании: научить принципам архитектурного мышления.

Наиболее успешным экспериментом по “усовершенствованию архитектора” стала деятельность Жолтовского 1926–1930-х гг., когда молодые конструктивисты пошли “доучиваться”³⁸ к нему в “квадригу” и в Мастерскую №1, где архитекторы имели возможность вести самостоятельную практику. В их абсолютно современных индивидуальных работах того периода видны попытки современного прочтения классики и синтеза её принципов с идеями конструктивизма. Из круга Жолтовского этого периода традиционно принято выделять Георгия Гольца, в архитектуре которого “утилитарная разумность, логика и целесообразность <сочетались> с художественной соразмерностью и гармоничностью”³⁹. За свою короткую карьеру Гольц не только сумел внять самой сути идей Жолтовского, но переосмыслил, развил и транслировал их уже своим ученикам и коллегам. Поначалу примыкавший к квадриге Андрей Буров примерял на себя разные парадигмы, а потому его сложно отнести к последователям. При этом именно Буров сформулировал тезисы, которыми можно достаточно точно охарактеризовать и его собственный подход к изучению архитектуры, позволивший оставить и разнообразное творческое наследие, и отношение к школе Жолтовского учеников и коллег 1920-1930х годов: “Все, хоть что-нибудь понимающие в архитектуре, в огромной степени обязаны этим Ивану Владиславовичу, и тем больше, чем лучше они умеют работать. <...> Жолтовский подобен китайцам, открывшим порох <великой архитектурной традиции> и применившим его для фейерверка”.

³⁶ Г.Г. Вегман был студентом МПИ и не изучал классическую архитектуру в рамках учебного курса

³⁷ По словам самого Г.Г. Вегмана

³⁸ По определению С.О. Хан-Магомедова. В том же ключе высказывались М.О. Барц, Г.А. Зундблат, М.И. Синявский и др.

³⁹ По определению М.В. Алпатова

Выпускники Института аспирантуры и ФАУ застали смену нескольких концептуальных эпох советской архитектуры. В своей проектной и педагогической работе они постепенно отслаивали от полученных от Жолтовского и его соратников знаний всё касающееся стиля и оставляли в своём инструментарии только общие, вневременные принципы. Леонид Павлов, с юности вдохновлённый архитектурой Жолтовского, стал одним из самых авангардных архитекторов-модернистов – но даже в своих самых радикальных и фантастических проектах он уделял пристальное внимание пропорциям здания, а в 1980х свободно оперировал элементами классической архитектуры.

Недолгий период обучения студентов МАИ по учебному плану Жолтовского (1943-1948)⁴⁰ дал выдающиеся в смысле объёма результаты: тысячи молодых архитекторов вышли из института профессионально грамотными, эрудированными, подготовленными к реальной практике, способными к самообразованию и аналитической работе. Выпускники МАИ этого периода – Айрапетов, Овчинников, Скокан, Сукоян, Шуманская – составили основу знаменитой Мастерской-Школы.

Рассматривая самостоятельную практику архитекторов Мастерской-Школы Жолтовского, можно прийти к противоречивым выводам. С одной стороны, Мастерская была идеально располагающим именно к “усовершенствованию архитектора” пространством; с другой, отсутствие конфликта парадигм в архитектуре рубежа 1940х-1950х не способствовало развитию навыка самостоятельной концептуальной работы. В то же время, несмотря на несколько поверхностное восприятие тезисов Жолтовского, архитекторы вдумчиво относились к самообразованию, вели детальный рабочий архив⁴¹, позже анализировали влияние методики Жолтовского на своё индивидуальное творчество и, шире, на советскую архитектуру. В эпоху модернизма архитекторы Мастерской – Воскресенский, Круглов, Овчинников, Скокан и другие – успешно занимались поисками форм синтеза современных приёмов и классических принципов.

⁴⁰ В 1948 году Жолтовский вместе с А.Г. Габричевским, М.О. Барщем, А.К. Бутовым, В.В. Владимировым, Л.Н. Павловым и другими попал под борьбу с космополитизмом и был изгнан из МАИ

⁴¹ Наиболее масштабные и оформленные архивы составили П.И. Скокан и В.В. Воскресенский

Последователи Жолтовского, их ученики, примыкавшие к их обществу архитекторы, выпускники МАИ, Института аспирантуры и ФАУ, преподавали в МАИ-МАРХИ вплоть до начала 2000-х гг.⁴². С течением временем все они из своих убеждений или под давлением обстоятельств трансформировали свой педагогический метод, оставляя от идей и приёмов Жолтовского всё более общие концептуальные элементы. Из воспоминаний студентов конца 1940-1990-х гг. заметно, что объединяющей всех педагогов этого круга интенцией было “сопротивление потоку пошлости”⁴³ и невежества в архитектуре – и инструментарием для этого служили знания и навыки, полученные ими в процессе собственного образования.

Для значительной части своих учеников и современников Жолтовский всегда оставался образцом для подражания, однако говорить о всеобщем глубоком понимании его метода и концептуального видения профессии не приходится. Многими архитекторами его теории были восприняты либо поверхностно, что вело к нерепрезентативным практическим результатам, либо догматически, что противоречило самой идее о воспитании способного к свободному творчеству архитектора. Трудности в понимании концепций Жолтовского демонстрируют личные и рабочие дневники архитекторов его мастерских всех периодов. Наряду с бесценной объективной фиксацией рабочего и учебного процесса в них содержатся размышления о концептуальных представлениях Жолтовского, о рабочем методе, о его понимании классики и тектоники, прямо противоречащие его высказываниям от первого лица. Та же проблема распространяется и на более поздние аналитические тексты и воспоминания современников. Всё это спровоцировало появление распространённой оценки просветительской и проектной деятельности Жолтовского как формалистической и ретроградной. Однако анализируя его прямую речь, можно выявить основные принципы концепции “усовершенствования архитектора”, не потерявшие актуальности и сегодня:

- изучение специальных дисциплин и решение узких задач невозможно без общего понимания процессов и взаимосвязей ⇒

⁴² Среди них: А.К. Буров, М.О. Барщ, М.В. Лисициан, Л.В. Мелеги, Е.Б. Новикова, Д.Г. Олтаржевский, Л.Н. Павлов, З.В. Петунина, С.Х. Сатунц, И.Н. Соболев и др.

⁴³ По определению М.О. Барща

⇒ фундаментальные исторические знания являются базой для создания новых концептуальных теорий на основе классики и/или обоснованной полемики с ней;

- реальные практические навыки в технических и прикладных аспектах архитектуры неотделимы от теории;
 - студент-архитектор на этапе пропедевтики должен сразу получить необходимый минимум всего спектра знаний и навыков;
 - при этом глубина знаний не является конечной величиной и возрастает с усложнением задач, стоящих перед студентом / архитектором ⇒
- ⇒ необходима перестройка архитектурного образования на всех уровнях.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В **Заключении** сформулированы общие принципы концепции “усовершенствования архитектора”, рассматривается вопрос её универсальности и актуальности, анализируется возможность применения метода И.В. Жолтовского в современном архитектурном образовании. На основании проведённого анализа и приведённых в диссертации материалов подтверждена заявленная гипотеза исследования.

Основные выводы исследования:

1. Проведённое исследование позволило выявить основные положения концепции формообразования И.В. Жолтовского и установить их взаимосвязь с организацией творческого и учебного процесса. Основанная на *фундаментальных принципах* классической архитектуры, его концепция представляет собой *вневременную систему*, где базовые понятия и элементы классики могут *свободно интерпретироваться* в соответствии с актуальным контекстом и задачами.
2. Впервые реконструирована целостная картина педагогической теории и практики И.В. Жолтовского. Методики обучения и повышения уровня профессиональной культуры архитектора представляет собой отражение системы методологических взглядов Жолтовского на профессиональную культуру. Предложенную им дидактическую концепцию можно представить как бинарную модель – *инструментарий + универсальные принципы*, – построенную на *общем*

фундаменте структуры учебного процесса. Система архитектурного образования, разработанная Жолтовским на основе его трактовки архитектурной классики как универсальной модели, эффективно работала в различные концептуальные эпохи советской архитектуры.

3. Критически оценивая актуальность структуры и набора элементов концепции И.В. Жолтовского, можно увидеть *необходимость постоянной трансформации и/или дополнения* некоторых из них в соответствии с эволюцией технологий, науки и философии. При этом необходимо отметить, что *методологическая база остаётся актуальной* и в современных условиях. Всё это позволяет заключить, что педагогическая концепция И.В. Жолтовского представляет собой *адаптивную жизнеспособную систему* и может успешно применяться в контексте современных тенденций архитектурного образования.
4. Представленный учебный план МАИ 1943 года является *формализованной квинтэссенцией* представлений И.В. Жолтовского о воспитании архитектора. При условии трансформации и/или замены отдельных элементов плана на актуальные, он может быть полностью либо в виде отдельных элементов и положений *воспроизведён в современной архитектурной школе.*
5. На основе сопоставления документальных материалов установлено, что работа И.В. Жолтовского по организации рабочего процесса архитектурных мастерских является *логическим продолжением и развитием* учебных программ высшей школы. Вместе они образуют концепцию *“усовершенствования архитектора”*, направленную на повышение общей и профессиональной культуры архитектора на всех ступенях его творческого развития.
6. Настоящее исследование демонстрирует, что наследие И.В. Жолтовского помимо взаимосвязанных концепций формообразования и воспитания архитектора выражается в создании *профессиональной среды* из множества учеников и последователей. Творчество архитекторов этого круга сформировало целый пласт отечественной архитектуры, основанный на теоретической и практической *грамотности архитектора*, и представляет собой перспективную проблему для дальнейшего осмысления и исследования.

Рекомендации по практическому применению результатов исследования заключаются в использовании элементов представленной в диссертации методики в современном архитектурном образовании и просвещении, а также в экспериментальной реконструкции адаптированного к актуальным условиям и задачам учебного курса.

Перспективы исследования состоят в углублённом изучении теоретических аспектов творчества архитекторов, упомянутых в диссертации как ученики и/или последователи И.В. Жолтовского; в подготовке расширенного исследования об отечественном архитектурном образовании первой половины XX века с включением в него материалов настоящего исследования. Введённые автором диссертации в оборот материалы могут быть использованы для подготовки научных работ, научно-популярных изданий, учебных пособий и лекционных курсов по истории архитектуры XX века.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

В рецензируемых изданиях, включенных в перечень ВАК при Минобрнауки России:

1. Семушкина М.О. Итальянские экспедиции И.В. Жолтовского: реконструкция маршрутов. 1908-1913. // Academia. Архитектура и строительство. – 2021. – №1. – С. 26-30.
2. Семушкина М.О. Академическая школа для советских архитекторов. Роль И.В. Жолтовского в создании Института аспирантуры ВАА // Architecture and Modern Information Technologies. – 2022. – №1(58). – С. 258-271.

В других изданиях:

3. Семушкина М.О. Архитектурное творчество И.В. Жолтовского. Опыт создания каталога произведений / Брайловская М.Н., Крючкова К.А., Семушкина М.О. Научн. рук. – Клименко С.В. // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Материалы международной научно-практической конференции 6-10 апреля 2015 г. Сборник тезисов. – Москва.: МАРХИ, 2015. – С. 69-70.
4. Семушкина М.О. Иван Жолтовский: к проблеме изучения дореволюционного периода творчества архитектора (1892-1917) // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Материалы международной научно-

практической конференции 7-11 апреля 2016 г. Сборник тезисов. – МОСКВА: МАРХИ, 2016. – С. 61.

5. Семушкина М.О. Наследие И.В. Жолтовского: архитектура бегов // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Материалы международной научно-практической конференции 3-7 апреля 2017 г. Сборник тезисов. – МОСКВА: МАРХИ, 2017. – С. 75.

6. Семушкина М.О. Формирование неоренессансной линии в творчестве И.В. Жолтовского / Семушкина М.О. Научн. рук. – Клименко С.В. // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Материалы международной научно-практической конференции 2-6 апреля 2018 г. Сборник тезисов. – М.: МАРХИ, 2018. – С. 96-97.

7. Семушкина М.О. Храмовое зодчество И.В. Жолтовского / Семушкина М.О. Научн. рук. – Клименко С.В. // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Материалы международной научно-практической конференции 2-6 апреля 2018 г. Сборник тезисов. – МОСКВА: МАРХИ, 2018. – С. 189.

8. Семушкина М.О. Архитектурное наследие И.В. Жолтовского // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Материалы международной научно-практической конференции 2-6 апреля 2018 г. Сборник тезисов. – М.: МАРХИ, 2018. – С. 613.

9. Семушкина М.О. Формирование неоренессансной линии в творчестве И.В. Жолтовского (первая половина XX в.) // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ. Материалы международной научно-практической конференции 2-6 апреля 2018 г. Сб. статей. – М.: МАРХИ, 2018. – С. 100-105.

10. Семушкина М.О. И.В. Жолтовский – руководитель архитектурной мастерской Вторых СГХМ. Новые данные // Свободные государственные художественные мастерские. Из столицы – в регионы. 1918-1920-е гг. Материалы Всероссийской конференции, 24-26 декабря 2018 г. МАРХИ, МГХПА им. С.Г. Строганова. – М.: ДПК Пресс, 2018. – С. 59-61

11. Семушкина М.О. Иван Жолтовский – воспитанник Академии художеств (1887-1898). Обзор источников // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Материалы международной научно-практической конференции 8-12 апреля 2019 г. Сборник тезисов. – М.: МАРХИ, 2019. – С. 111-112.

12. Семушкина М.О. «Функция Жолтовского» как производная золотого сечения. К вопросу построения архитектурной формы в неоренессансных произведениях архитектора / Семушкина М.О. Научн. рук. – Клименко С.В.// Наука, образование и экспериментальное проектирование. Материалы международной научно-практической конференции 8-12 апреля 2019 г. Сборник тезисов. – М.: МАРХИ, 2019. – С. 90-91.
13. Семушкина М.О. Н.Я. Колли в мастерской И.В. Жолтовского (УЖВЗ – П СГХМ – ВХУТЕМАС). 1917-1922. // Пространство ВХУТЕМАС в мировой культуре XX-XXI веков. – Москва: МАРХИ, МГХПА им. С.Г. Строганова, РАХ, Московский политехнический университет, 2020. – С. 216-218.
14. Семушкина М.О. Роль И.В. Жолтовского в организации Института аспирантуры ВАА. 1933-1947. // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. — Т. 1. — М. : МАРХИ, 2021. — С. 96.
15. Семушкина М.О. Котельная МОГЭС-1: синтез двух парадигм в архитектуре. К вопросу об актуальности публичного доступа к объектам индустриального наследия. // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. — Т. 2. — М. : МАРХИ, 2021. — С. 346.
16. Семушкина М.О. Рабочий посёлок завода АМО: интерпретация палладианской виллы в индустриальную эпоху. 1916-1923. // Реабилитация жилого пространства горожанина: матер. XVII междунар. науч-практ. конф. им. В. Татлина / под общ. ред. Е.Г. Лапшиной. – Пенза : ПГУАС, 2021. – С. 308-315.
17. Семушкина М.О. Усовершенствую архитектора: дидактическая концепция И. В. Жолтовского. // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. — Т.1. — М. : МАРХИ, 2023. — С. 133.